

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-334-356

УДК 821.161.1

Habent sua fata libelli et homines **(Мемуарно-библиографические заметки)**

М.Г. Альтшуллер

Аннотация: В статье рассказывается о четырех книгах из личной библиотеки автора — изданиях самых известных в 1960-е гг. поэтов., об истории издания этих книг, о том, как эти дефицитные книги попали на книжную полку автора, о людях, с которыми автор дружил в то время.

Ключевые слова: Борис Пастернак, Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Анна Ахматова, «Библиотека поэта».

Информация об авторе: Марк Григорьевич Альтшуллер, к.ф.н, почетный профессор, Питтсбургский университет, США. E-mail: altshul@pitt.edu.

Цитирование: *Альтшуллер М.Г.* Habent sua fata libelli et homines (Мемуарно-библиографические заметки) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 334–356.

В 1972 г. Надежда Яковлевна Мандельштам писала: «Сейчас вышла вперед четверка, четыре поэта Ахматова, Пастернак, Цветаева, Мандельштам. Навсегда ли?.. Никто не знает»¹. Действительно, никто не знает, как долго люди вообще будут читать стихи и вообще будут ли люди... Но тогда, в 60–70-е гг. прошлого века, действительно самыми любимыми, самыми читаемыми и почитаемыми были эти четверо.

На моей книжной полке стоят рядом четыре томика в одинаковом синем переплете «Библиотеки поэта»:

Борис Пастернак (1890–1960). Стихотворения и поэмы М.–Л., 1965;
Марина Цветаева (1892–1941). Избранные произведения. М.–Л., 1965;
Осип Мандельштам (1891–1938). Стихотворения. Л., 1973;
Анна Ахматова (1889–1966). Стихотворения и поэмы. Л., 1976.

---

¹ *Мандельштам Н.* Вторая книга. Paris: YMCA-Press, 1972. С. 372

Этих четверых таких разных поэтов, таких разных людей объединяет одно: они (наряду со многими другими талантливыми писателями) подвергались постоянному, неусыпному преследованию советской, большевистской власти. Одного эта власть просто убила в лагере, другую довела до самоубийства, Пастернака вогнала в болезнь и смерть, Ахматову (героиню двух партийных постановлений) третировала всю ее сравнительно долгую для русского поэта жизнь и изуродовала даже ее могильный памятник.

Я не собираюсь говорить здесь о творчестве этих поэтов и детально описывать драматические события, сопровождавшие появление в печати четырех замечательных томов. Об этом уже много и подробно написано в десятках статей и книг многими исследователями, в том числе и людьми, так или иначе причастными к их появлению. Мне лишь хочется рассказать именно о моих экземплярах — четырех книжках, которые ныне стоят в далеком от Петербурга и Москвы Питтсбурге на книжной полке среди семи тысяч книг нашей нынешней библиотеки, и о тех странных для современного читателя обстоятельствах, при которых они мне достались.

К тому времени, когда появился в печати первый упоминаемый мною том, все четыре гения уже умерли. И эти ушедшие «отщепенцы» начали постепенно превращаться в славу России. Большую роль сыграла, конечно, всё возрастающая слава этих людей за рубежом. Там их книги на русском и переводы на европейские языки продавались довольно активно.

Как рассказывали, на совещании издательских работников какая-то партийная дама объясняла: дескать, мы вынуждены издавать таких неугодных авторов, чтобы заткнуть глотки всяким враждебным голосам.

Из зала раздался голос: «Лучше заткните нам!»

Нам «затыкать» не хотели. Большая часть (может быть, бóльшая) уходила за границу, остальное расходилось закрытым способом: партийным чиновникам в закрытых магазинах, членам Союза писателей по специальным спискам и пр.

Первым из «отщепенцев» появился в «Библиотеке поэта» Борис Леонидович Пастернак. Позорная травля Нобелевского лауреата вызвала глубокое отвращение не только за рубежом, но и у всей русской интеллигенции. Естественно, что интерес к творчеству Пастернака продолжал расти. Подзабылась, отошла в прошлое мерзейшая статья Д. Заславского о «литературном сорняке», зато навсегда вошло в русский язык, стало хрестоматийным знаменитое высказывание

экскаваторщика Васильцова: «Я Пастернака не читал, но знаю...»² (я до сих пор не могу отделаться от мысли, что это замечательное письмо сочинили какие-то смелые остряки в редакции «Литературной газеты»).

И в 1962 г., спустя всего два года после смерти затравленного властями и коллегами автора «Доктора Живаго», возникла смелая идея издать в престижнейшей «Библиотеке поэта» том его стихотворений. Идея исходила от главного редактора «Библиотеки» В.Н. Орлова и поэта и филолога Л.А. Озерова, который хотел взять на себя составление (текстологию) и комментирование. Оба занимали заметное место в чиновничье-партийной иерархии. Им удалось как-то убедить/уговорить начальство. Там, наверное, захотели продемонстрировать толерантность, «заткнув глотки» западным крикунам, и заодно заработать немного валюты. Сыграло свою роль и появление на западе четырехтомного собрания сочинений Пастернака (Ann Arbor: The University of Michigan press, 1961–1963).

В середине 1962 г. Орлов сообщил Озерову, что Пастернака будут издавать и он надеется выпустить том в следующем году³. Дело, однако, затягивалось, в основном по идеологическим причинам. Работу тормозил давний гонитель Пастернака Алексей Сурков. Задержка, впрочем, по тогдашним меркам оказалась не очень долгой. Книга ожидалась с нетерпением. Составитель тома рассказывал:

Из десяти встречаемых мною людей <...> девять вместо «здрас-те» спрашивают:

- А когда выйдет?
- Был ли сигнал?
- Не отложили ли на следующий год?
- А не можете ли достать экземплярчик?⁴

С какими трудностями приобретения еще не вышедшей книги сталкивались даже ее издатели, рассказывает письмо редактору автора вступительной статьи А.Д. Синявского от 12 апреля 1964 г.: «Хотя еще рано делить шкуру неубитого медведя, но я сегодня зашел в лавку писателей, чтобы гарантировать себе дополнительные экземпляры книги, и там мне сказали, что обеспечить это они не

² Васильцов Ф., старший машинист экскаватора. Лягушка в болоте // С разных точек зрения. «Доктор Живаго» Б. Пастернака. М.: Советский писатель, 1990. С. 106–107.

³ Из истории издания «Стихотворений и поэм» Бориса Пастернака в «Библиотеке поэта» (1962–1965). Публ. Е.М. Гушанской и И.С. Кузьмичева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 761–763.

⁴ Письмо Л.А. Озерова к Г.М. Цуриковой (редактору), 18 марта 1964 (Там же. С. 819).

берутся. Так вот, Галина Михайловна, не сможет ли издательство как-то содействовать своим авторам и написать какое-нибудь отношение в какую-нибудь контору или на книжный склад, чтобы мы не остались без книги? Спросите, пожалуйста»⁵.

При таком ажиотаже купить заветную книгу у нас, людей простых и без связей, надежды практически не было. Но... однажды утром жена разбудила меня: «Знаешь, мне приснилось, что сегодня в “Лавке писателей”⁶ будет Пастернак». Сон не сон, но даже призрачная возможность получить заветную книгу манила. Выхода ее ожидали со дня на день. Зевая, я поехал на Невский.

У дверей магазина растянулась интеллигентная, не очень длинная очередь (может быть, им тоже приснилось!). Дверь, наконец, открыли. И, о радость! — на прилавке лежали заветные синие томики. В одни руки, естественно, «давали» только один экземпляр, с которым я, сияющий, вернулся домой.

Книга действительно была хороша. Дельную вступительную статью написал Андрей Донатович Синявский. Это была его последняя публикация в Советском Союзе. Книга подписана к печати 25 мая 1965 г., а в сентябре Синявский вместе с Юлием Даниэлем был арестован и стал жертвой позорного судилища, еще раз продемонстрировавшего миру истинное лицо коммунистической тоталитарной системы.

Синявский категорически отказался осуждать «идеологические ошибки» поэта»: «Писать о политических и философских ошибках Пастернака я не считаю правильным и для себя возможным»⁷. Эти строки объясняют некоторую эдиционную странность вышедшего тома: перед толковой вступительной статьей почему-то напечатано четырехстраничное «Предисловие», подписанное: «Редакционная коллегия “Библиотеки поэта”». Появление странного фигового листка объясняется упрямством Синявского. Не желая пачкать руки, автор предложил: «если у редколлегии появится намерение высказать в адрес Пастернака более резкую критику, чем та, которая содержится в моей статье <...> это, мне кажется, может быть осуществлено в рамках предисловия от редакции»⁸.

И действительно, в «Предисловии» все идеологические акценты были строго расставлены: «...Б. Пастернак не стал активным борцом за социализм. Не уступая своей исконной индивидуалистической

⁵ Там же. С. 781.

⁶ Книжный магазин на Невском проспекте.

⁷ Из истории издания... С. 778.

⁸ Там же. С. 779.

позиции, он не сумел в должной мере постичь существо смысла происходящего в стране и мире исторического процесса»⁹. Автором фигового листа, безуспешно пытавшегося прикрыть творческие свершения гениального поэта, был, по всей вероятности, глава тогдашнего Союза писателей — Алексей Сурков¹⁰.

В комментариях был упомянут крамольный роман, который вызвал «резкий протест советской общественности», а в основном тексте были целый раздел «Стихи из романа»¹¹, куда, правда, вошли в основном тексты, опубликованные в советской прессе. Удалось включить и несколько знаменитых стихов: «Осень» «Сказка», «Земля», — но сопроводив их лицемерным комментарием: «Печ<атает>ся» впервые» (перепечатывать тексты из романа, выпущенного на западе, было нельзя). Естественно, что такие шедевры, как «Гефсиманский сад», «Магдалина», «Гамлет» и пр., в раздел «Стихи из романа» не попали. Впрочем, они были нами давно прочитаны (как и сам «Доктор Живаго»), переписаны, запомнены.

Тем не менее том, как я уже говорил, был хорош. Знаменитые сборники стихов («Поверх барьеров» «Сестра моя жизнь», «Темы и вариации») были перепечатаны. Приводились ранние варианты и другие редакции. Комментарии в целом были добротны. Книга заняла свое почетное место среди сотни других синих томиков «Библиотеки поэта» на нашей книжной полке.

В том же 1965 г., несколькими месяцами позднее, появилась в знакомом синем переплете еще одна замечательная книга. Видно, «наверху» решили еще раз «заткнуть рот» врагам, а крохи снова доставались нам. На сей раз это были стихи Марины Цветаевой.

Если стихи Пастернака, хотя и сомнительного, но всё же «советского» поэта, все-таки были более или менее доступны (после защиты мой школьный друг Яков Николаевич Любарский, известный византист, сделал мне драгоценный подарок — сборник 1922 г. «Сестра моя жизнь»), то Цветаева (эмигрантка, дочь и муж которой оказались в чекистских застенках, самоубийца) была нам (очень многим), к стыду нашему и советской власти, совсем неизвестна — до ноября 1956 г.: тогда вышел из печати объемистый, 800 стр., том «Литературная Москва. Литературно-художественный

⁹ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.–Л., 1965. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 6.

¹⁰ Из истории издания... С. 768–769.

¹¹ Первоначальное название раздела «Стихотворения из романа “Доктор Живаго”» пришлось убрать (Там же. С. 767-768).

сборник московских писателей. Сборник второй»¹². В конце этого тома была напечатана небольшая, очень информативная статья Эренбурга «Поэзия Марины Цветаевой», предварявшая подборку из семи ее стихотворений. Эренбург был предельно осторожен, избегал подробностей трагической жизни Цветаевой: «жила за границей», «вернулась в Москву», «в 1941 покончила жизнь самоубийством». Однако он впервые за много лет (не считая невнятной жвачки А. Тарасенкова) напомнил русской интеллигенции о трагически погибшем поэте. А главное, он напечатал несколько стихотворений. Среди них такие шедевры, как «Стол», «Попытка ревности».

Однако попытка самого Эренбурга надолго так и осталась попыткой. «Литературная Москва» подверглась партийному разгрому. Главной мишенью, правда, оказался яркий антипартийный рассказ Яшина «Рычаги», но и эмигрантка Цветаева, затравленная советскими писателями, тоже пришлось не ко двору. Альманах тут же закрыли. Сборник второй оказался и последним. Свою короткую статью Эренбург закончил обнадеживающими словами: «Наконец-то выходит сборник стихов Марины Цветаевой. Муки поэта уходят вместе с ним. Поэзия остается»¹³.

Сборник стихов Цветаевой действительно готовился к печати. Но Эренбург и с ним мы, читатели, напрасно радовались. Книга так и не вышла¹⁴. Появление Цветаевой в опальной «Литературной Москве» сыграло свою роковую роль.

Прошло пять лет, и большая подборка стихов Цветаевой (41!) появилась в знаменитом крамольном сборнике «Гарусские страницы». Эта книга увеличенного формата в изящной суперобложке со стилизованными березками на фоне голубых разводов произвела настоящий фурор. Прекрасная, честная и жестокая проза (Казаков, Балтер, Максимов) соседствовала со стихами Коржавина, Корнило-

¹² За два месяца до того вышел из печати неуклюжий, громадного формата (26 на 34 см., при нормальном размере ок. 15 на 20) первый, еще не нумерованный сборник «День поэзии» (М.: Московский рабочий). Там на с. 127–131 опубликована подборка хороших стихов Цветаевой («К Чехии», «Читатели газет», «Вчера еще в глаза глядел.» и пр.) с официальным и достаточно лживым вступлением А. Тарасенкова, где деревянным языком, официальными формулировками говорилось лишь о цветаевской «ненависти к фашизму, ее любви к свободе и прогрессу» и, конечно, ни словом не упоминалось о ее самоубийстве, об арестах близких. Подробнее об этой публикации см.: *Салтанова С.* Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи (1941–1961 годы). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 158–163.

¹³ Литературная Москва. Сб. 2. М., 1956. С. 714. В начале статьи сообщалось, что она будет напечатана в выходящем одноименнике Цветаевой

¹⁴ Подробно о кампании против «Литературной Москвы», статьи Эренбурга, стихов Цветаевой см.: *Салтанова С.* Указ. соч. С. 173–202. Анна Саакянц тоже упоминает «задуманный в 1955 и загубленный в 1957 сборник Марины Цветаевой» (*Саакянц А.* Спасибо вам! Воспоминания, письма, эссе. М.: Эллис Лак, 1998. С. 11).

ва, Самойлова, Слуцкого. Сборник вызвал серию разгромных статей в «Литературной газете», журнале «Октябрь». Свою лепту в поток партийной ненависти внесли, конечно, и стихи опальной поэтессы. Книга сразу стала знаменитой, и печатание ее власти остановили. Из указанного на последней странице большого тиража (75 тысяч) успело выйти только 30¹⁵. Я сразу же написал в Калужское издательство и успел получить заветный том, сейчас ставший библиографической редкостью.

Но возвращение гениального поэта русскому читателю было уже не остановить. К счастью, несколькими месяцами ранее «Тарусских страниц» успела выйти маленькая (9,5 п.л.) книжка: «Марина Цветаева. Избранное». Появление ее позже «Тарусских страниц» могло бы и не состояться. Книжка была издана по инициативе В.Н. Орлова, тогда главного редактора «Библиотеки поэта», и, по его замыслу, должна была проложить дорогу к изданию большого тома Цветаевой в этой престижнейшей серии (так и произошло, но спустя четыре года)¹⁶.

Анна Саакянц подробно рассказала об издании «Избранного», которое фактически подготовили она и дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон, вложив в него много сил и души: «Очень мне дорога и очень мною выстрадана именно эта, первая посмертная книжечка. И дорого мне далась “подготовка текста” и “составление” — мне, только что вернувшейся из ссылки, последними слезами плакавшей над сундучком и разрозненными остатками архива — жизни»¹⁷. Имя вчерашней ссыльной издательство не хотело даже упоминать. Орлов (который готов был снять свое имя как составителя и текстолога) настоял, чтобы указали хотя бы ее «ближайшее участие» в подготовке книги. Но издательство (это была уже просто мелкая пакость) выкинуло «ближайшее» и напечатало в конце преамбулы к примечаниям лишь: «В подготовке сборника принимала участие А.С. Эфрон»¹⁸.

Эта маленькая книжка тоже стоит на полке моей библиотеки. Но досталась она мне гораздо позднее, уже в Америке. Об этом экземпляре стоит рассказать немного подробнее. Он принадлежал моей дальней родственнице, «тетушке» (родство наше, кажется, восходит к XVIII веку, но она велела называть себя «тетей») — Екатерине

¹⁵ Об официальной ругани «Тарусских страниц» см. главку «Страсти по Тарусе» (Салтанова С. Указ. соч. С. 285–292).

¹⁶ О контактах, переписке Орлова с А.С. Эфрон см.: Салтанова С. Указ. соч. С. 237–284 (гл. IX: 1961-й. «Избранное»).

¹⁷ Письмо А.С. Эфрон Анне Саакянц от 26 июля 1961 г. (Салтанова С. Указ. соч. С. 18).

¹⁸ Цветаева М. Избранное / Предисл., сост. и подгот. текста Вл. Орлова М., 1961. С. 290.

Исааковне Альтшуллер (Еленевой)¹⁹. Е.И. дружила с Цветаевой в Чехословакии. Всю жизнь почитала ее, собирала материалы о ней. «Дружеские отношения сложились у Цветаевой с женой Еленева Екатериной Исааковной, дочерью врача Альтшуллера, некогда лечившего Л. Толстого <и А. Чехова. — М.А.>. Цветаева называла ее своей “сподвижницей по Мокропсам”»²⁰.

Екатерина Исааковна очень была дружна и с дочерью Цветаевой Ариадной Сергеевной (Алей), активно с ней переписывалась²¹, а в 1966 г. побывала в России (о чем ее родные не подозревали) и встречалась с Алей. В моем экземпляре «Избранного» — дарственная надпись: «Катюше — Аля. Октябрь 1961. Таруса». В книжку вложена маленькая черно-белая фотография. На обороте написано:

Катюша, в ожидании моей фотограф<ии>, к<отор>ой нет под рукой, вот кусочек Тарусы и Оки возле нашего дома; сам городок не виден, он слева, в гору, расположен на холмах, очень милый и очень русский; чуть правее, на холме, был домик, где провела детство мама; теперь на этой территории большой (и шумный) дом отдыха.

Получив книжку, Е.И. поблагодарила Алю, и та в большом ответном письме от 9 декабря радовалась, что книжка дошла, считала, «что как первая попытка — неплохо», надеялась на издание «Библиотеки поэта» и задавала массу вопросов о текстологии, библиографии и пр.

Неделю спустя Ариадна Сергеевна послала Е.И. новогоднюю открытку:

16 декабря 1961 г.

Дорогая Катюша, поздравляю Вас с новым годом, желаю счастья и здоровья... Хороши эти зимние праздники — особенно тем, что каждому из нас, сколько бы ни было нам лет — возвращают ненадолго детство с его ёлками и верой в чудеса!

На днях послала Вам письмецо, верно, уже получили его.

У нас зима настоящая, снежная, морозная, красивая. Долго заставляла себя ждать, но всё же пришла!

¹⁹ Подробнее о ней и ее библиотеке см. в моей «самиздатной» брошюре (100 экз.): *Альтшуллер М.Г.* Материалы из архива Е.И. Альтшуллер-Еленевой (Марина Цветаева и др.). Pittsburgh: University of Pittsburgh, 1999. Экземпляры имеются в библиотеке Пушкинского дома и в Музее Цветаевой в Тарусе. Сокращенный вариант брошюры см.: *Альтшуллер М.* Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альтшуллер-Еленевой (1897–1982) // Новый журнал. 1999. № 215. С. 253–282.

²⁰ *Саакянц А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. С. 321.

²¹ Письма А.С. в основном опубликованы мной в «самиздатной» брошюре и в «Новом журнале».

Да, совсем о другом: проверила еще раз дату публикации Поэмы Конца — в книжке указана она совершенно правильно, если считать первой публикацией альманах «Ковчег». М.б., у Вас есть сведения о более ранней публикации (Вы говорили о 1925 — Ковчег вышел в 1926). Ответьте, это важно²².

Обнимаю Вас. Ваша Аля.

Ариадна Сергеевна готовилась к изданию большого тома Цветаевой в «Библиотеке поэта» (отсюда вопросы о датах). Однако прошло еще четыре года (срок, впрочем, не такой большой), прежде чем на прилавках появился наконец солидный (800 стр.) том сочинений Марины Цветаевой со вступительной статьей Вл. Орлова, но «составление, подготовка текста и примечания» были Ариадны Эфрон и Анны Саакянц. Последняя в упоминавшейся книге подробно рассказала, с какими трудами и нервотрепкой выходил этот том (с. 20–32). Много чего в нем не было. Очень многое не пропустили цензура и самоцензура. Но, конечно, это была великая радость: сорокатысячным тиражом явился наконец русскому интеллигентному читателю великий поэт.

Тираж в 40 тысяч кажется нам сейчас огромным. Александра Галича в той же «Библиотеке поэта» вышла всего лишь одна тысяча (2006), а очень хороший, интересный сборник «Царскосельская антология» (2016) получил от издателей лишь 700 <!> экземпляров.

Но это сейчас. А тогда вновь вышедшая книга была практически недоступна. На этот раз Лене ничего не приснилось, и можно было лишь мечтать о вожденном томе. Однако...

Каждое лето жена моя Елена Николаевна Дрыжакова работала в Тартуском университете. Однажды она была руководителем дипломной работы Светлана Семененко, молодого поэта. Мы подружались. После окончания университета Светлан Андреевич остался в Эстонии. Последняя из подаренных нам книг (Семененко С. Свет в декабре: Стихи и переводы. Таллин: Ээсти раамат, 1985) прислана была из Эстонии в Америку с инскриптом: «Дорогой Елене Николаевне (милой Леночке). Дорогому Марку с любовью, с любовью, с любовью. Пишите. Светлан».

Однажды Светлан возвращался поездом в Тарту. В маленьком городке была пересадка. Ожидая поезда, он пошел бродить и зашел в магазин, где продавалось всё. Он взглянул на книжную полку

²² В моем экземпляре «Избранного» дата первой публикации «Поэмы конца» исправлена Е.И. красными чернилами с 1926 на 1925 (с. 296). Однако А.С. была права. В «Большой серии» о первой публикации поэмы сообщается: «Альм<ан>ах» “Ковчег”, № 1, Прага 1926, с. 3–29».

и не поверил своим глазам: там стояли два тома в синей обложке — «Марина Цветаева. Избранные произведения». В провинциальном городке немного было любителей поэзии. Один из этих томов достался нам и занял почетное место на книжной полке.

А рядом с ним, и по сравнению с ним совсем тощий, стоит другой томик. В нем всего 330 страниц. «Мандельштам О. Стихотворения». И это уже совсем другая история. Пастернак и Цветаева вышли в 1965-м, на излете оттепели. А Мандельштаму «не повезло», уж слишком крамольной была его щуплая фигура для ползучего возрождающегося сталинизма (со всеми оговорками, несомненно, этот процесс происходит и сейчас в России). Мандельштам был настоящий «враг народа», сгинувший в ГУЛАГе и действительно написавший бессмертный приговор злодею («Мы живем, под собою не чуя страны...»).

Стихи, архив арестованного и загубленного поэта спасла и сохранила его жена Надежда Яковлевна.

В 1955 г. появилось первое собрание сочинений поэта, не в России, на западе²³. Эту книгу я тоже получил в наследство от Е.И. Еленевой. Над заглавием знаменитого стихотворения «Соломинка» вписано ее рукой: «Саломее Андронниковой», — и тут же между с. 84 и 85 вложено письмо самой Саломеи Николаевны Андронниковой (Гальперн), которая была большим другом Цветаевой и хорошо знала и любила ее дочь Ариадну (Алю). Вот его текст:

17.X.<19>67. Дорогая Александра Захаровна <Туржанская, друг Цветаевой и ее дочери Ариадны, которой помогала собирать и сохранить архив матери. — М.А.>, посылаю Вам бандеролью книжку, которую Аля просила меня переслать Вам. А Вы уж будете знать, КАК доставить ее ей.

Это Альманах, напечатанный в Нью-Йорке, в котором опубликован (впервые) «ПЕРЕКОП». Сами понимаете, что просто по почте мы его послать не можем.

Очень надеюсь, что книжка дойдет до Али благополучно. Если она просит ее, то верно ей виднее.

Как Вы поживаете, а также и Екатерина Николаевна (Катюша)?

В Париже я не была век. Хотелось бы опять поехать в январе в Канны, а на обратном пути остановиться в Париже. Если случится как хочется — увижу Вас.

²³ Мандельштам О. Собрание сочинений / Под ред. и со вступ. статьями Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

Я очень очень устала — как-то измучилась — провела плохое (в смысле самочувствия) лето и всё еще не отойду.

Думаю о нашей с Вами встрече всегда с радостью.

Сердечный привет
От Саломеи Гальперн.

По-видимому, Туржанская переслала альманах вместе с письмом Екатерине Исааковне (возможно, Саломея Николаевна перепутала отчество Екатерины Исааковны — Катюши) с просьбой доставить книгу Ариадне Сергеевне. Письмо Е.И. вложила в том Мандельштама, туда, где были стихи, посвященные Саломее.

В 1956 г., на волне оттепели и реабилитации жертв сталинского террора, началась в «Библиотеке поэта» подготовка издания стихов Мандельштама. Работу вел опытный литературовед, друг Надежды Яковлевны (и Анны Ахматовой), Николай Иванович Харджиев²⁴.

Работа затянулась на долгие годы. Вышли и Пастернак, и Цветаева, а Мандельштам всё «мариновался» в издательстве. Выходили книги на западе (для нас «тамиздат»). Кое-что потихоньку печатали и в России. В середине 1960-х в одном из толстых журналов появилась подборка стихов Мандельштама²⁵. Там было и знаменитое, весьма сомнительное для властей «Я вернулся в мой город знакомый до слез...» с вполне актуальной концовкой:

И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных...

Выход десятка стихов опального поэта был значительным событием для интеллигенции. Я купил номер «Москвы» в газетном киоске на Невском около католической церкви, где похоронен генерал Моро. Взяв в руки журнал, машинально начал его перелистывать. Старый еврей-киоскер сказал: «Не беспокойтесь, что вам нужно, — там есть».

Я вырезал стихи и хранил их в отдельной папке. Хранение вырезок из газет и журналов было при Сталине очень опасным. За это сажали и расстреливали. Наш друг (он был много старше нас) Игорь Владиславович Максимов, известный полярник и климатолог, суро-

²⁴ Здесь не место обсуждать и комментировать последующие резкие отзывы Н.Я. Мандельштам о Харджиеве,

²⁵ Осип Мандельштам. Восемь неизданных стихотворений // Москва. 1964. № 8. Благодарю О.А. Лекманова за точную справку.

во предупреждал меня этого не делать²⁶. Но времена всё же были другие.

Однако вывезти подобные материалы за границу было невозможно. И, уезжая в эмиграцию, я передал все свои вырезки и копии Светлану Семененко. Там были газетные статьи о деле Бродского, о деле Синявского и Даниэля. Самым интересным были вырезки из газет и журналов о смерти Маяковского. Их подарила мне коллега, учительница литературы. Она была студенткой, когда застрелился Маяковский.

А том стихов Мандельштама всё Мариновался в «Библиотеке поэта». Проблема была не только в сомнительном имени автора, медлительности Харджиева, конъюнктурных колебаниях главного редактора «Библиотеки поэта» В. Орлова, но и во вступительной статье: нельзя было говорить об арестах автора, о его трагической гибели в лагерях.

Сначала статью должен был написать Адриан Владимирович Македонов, друг Твардовского, литературовед и геолог, бывший политзаключенный. Писать заведомую ложь об убитом сталинскими палачами поэте он отказался. То же произошло и с Лидией Яковлевной Гинзбург. Долго искали послушного холоуя... и нашли. Им стал хорошо и печально известный в интеллигентских кругах А.Л. Дымшиц, навсегда припечатанный в знаменитой эпитаграмме:

Там на неведомых дорожках,
Следы невиданных зверей;
Там Дымшиц на коротких ножках,
Погрома жаждущий еврей.

С моральным обликом этого партийного проходимца однажды пришлось познакомиться и нашему семейству. В 1960 г. Лена защищала диссертацию о Герцене. Оппонентами у нее были Соломон Абрамович Рейсер, блестящий ученый, первоклассный текстолог²⁷, и Лидия Яковлевна Гинзбург, только что выпустившая прекрасную книгу «“Былое и думы” Герцена». Однако кафедральное начальство заменило известного ученого влиятельным московским чиновником и вместо Рейсера оппонентом назначило Дымшица. Узнав о замене, Лидия Яковлевна брезгливо поморщилась (Дымшицу давно уже порядочные люди не подавали руки), однако, не желая портить жизнь молодому ученому, всё же согласилась.

²⁶ Персонаж романа А. Солженицына «В круге первом», чтобы не делать вырезок, завешивает старыми газетами стены, будто бы обоями (гл. 61: Тверской дядюшка).

²⁷ См.: Фризман Л.Г. Научное творчество С.А. Рейсера. Харьков: Новое слово, 2005.

Накануне защиты диссертант имел право позвонить оппоненту, спросить, о чем тот будет говорить, чтобы подготовиться к дискуссии. Дымшиц сказал, что в диссертации имеется антиленинский тезис: Ленин, дескать, говорил о революционном развитии Герцена, а автор заявляет, что он был и оставался человеком 1840-х.

Обвинение было серьезным и грозило провалом защиты. Григорий Абрамович Бялый, который был рецензентом диссертации и вообще очень тепло относился к нашему семейству, посоветовал, если оппонент подымет эту тему, в чем Бялый сомневался, ничего не отвечать и не вступать ни в какую полемику о марксизме-ленинизме.

Григорий Абрамович был прав. Видимо, Дымшиц не желал политического скандала и еще одного пятна на своей и без того изгаженной репутации. На этот раз он удовольствовался тем, что напугал диссертантку и сумел сильно потрепать ей нервы²⁸.

Итак, этот литератор, давно известный своим послушанием и умением приспосабливаться к начальственному мнению, согласился напечатать угодное властям предисловие к книге сомнительного поэта. Дымшиц был не одинок. Ползучая реставрация сталинизма шла полным ходом, и даже упоминать о жутком терроре 1930-х уже запрещалось²⁹. Однако Дымшиц своим раболепием превзошел многих других.

В 1934 г. Мандельштама арестовали за стихи о «кремлевском горце, душегубце и мужикоборце». Поскольку высочайше было велено «изолировать, но сохранить», поэт был сослан в маленький уральский городок Чердынь. В болезненном состоянии он пытался покончить жизнь самоубийством. Затем ему (по рассказу Надежды Яковлевны, Бухарин попросил Сталина) разрешили перебраться в европейскую часть страны (кроме двенадцати больших городов, о Москве и Ленинграде, разумеется, не могло быть и речи), и наугад он выбрал Воронеж³⁰. А вот как пишет об этом Дымшиц: «Трудно сложились для поэта и житейские обстоятельства. После кратковременного пребывания <!> в Чердыни-на-Каме он *поселился* <так! Курсив мой. — М.А.> в Воронеже» (с. 11).

3 мая 1938 г. Мандельштама снова арестовали и отправили на Колыму. Там в пересыльном лагере, измученный, истощенный, со

²⁸ Лена подробно описала эту историю в мемуарном очерке. См.: Дрыжакова Е.Н. «Антиленинская концепция» творчества Герцена в моей диссертации 1960 года (Странички воспоминаний) // Памяти Герцена: Сб. Тверь, 2012. С. 96–102.

²⁹ О некоторых подобных случаях рассказывает Лидия Чуковская. См.: Избранное. М.; Минск, 1997. С. 415–437.

³⁰ «Его <Бухарина. — М.А.> последний дар — переезд из Чердыни в Воронеж» (Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1970. С. 120).

сломленной психикой, он погиб 27 декабря 1938 г. Дымшиц невнятно бормочет: «В 1937 году оборвался творческий путь Мандельштама. Поэт умер в начале 1938 года» (с. 12).

Но это еще не всё. Однажды Илья Захарович Серман заметил, что советские литературоведы, как только писатель попадает в число хвалимых или просто разрешенных, тут же стараются отделить его от той («плохой») литературной группы, к которой он принадлежал. Так Маяковского отлучают от футуризма, Блока старательно разводят с символизмом, а Есенина — с имажинистами. Всячески затушевывая трагическую биографию поэта, Дымшиц продельывает с его творчеством ту же нехитрую «эстетическую» операцию. Он последовательно отделяет поэта от акмеизма, не упуская возможности тут же лягнуть еще не реабилитированного Гумилева: «...на самом деле он разделял далеко не все принципы, заявленные акмеистами в их декларациях. Весьма отчетливо можно увидеть и различие между ним и таким программным поэтом акмеизма, каким был Н. Гумилев. Мандельштаму был чужд подчеркнутый аристократизм Гумилева, его антигуманистические ницшеанские идеи, холодный бездушный рационализм ряда его произведений. <...> Мандельштам был <...> самостоятельной поэтической особой, покинувшей узкое лоно акмеизма» (с. 15–17).

Статья была, даже на уровне других приспособленцев, на редкость противной: Дымшиц действительно был старательным «первым учеником»³¹ и делал даже больше, чем требовалось конъюнктурой.

Итак, в конце 1973 г. долгожданная книга появилась... но не на прилавках книжных магазинов, а в пресловутых «березках», где на валюту продавали всё, от икры до дефицитных книжек. Тираж был всего 15 тысяч (меньше, чем Пастернак и Цветаева), и, конечно, нам, не обладавшим валютой, не входившим ни в какие привилегированные списки, ничего не досталось. Но я не очень огорчился.

Почему? Это уже другая маленькая история. В 1970-е гг. аспирантом Ильи Захаровича Сермана был американский студент Александр Левицкий (ныне профессор Brown University³²). Он, как и я, часами работал в Отделе редкой книги БАНа (Библиотека Академии

³¹ См. пьесу Е. Шварца «Дракон».

³² На моей книжной полке стоит роскошное издание Державина (Providence, Department of Slavic Languages Brown University, 2001). Это том стихотворений Державина с переводами на английский язык и с замечательными иллюстрациями из державинского архива (edited with an Introduction and Commentary by Alexander Levitsky). На книге трогательная надпись: «Дорогому Марку на добрую память о нашей дружбе. Саша Левицкий». Осень. Питтсбург, 2002».

Наук), где хранились издания XVIII в. Мы быстро подружились, и Саша часто бывал в нашем доме. Он тогда интересовался Херасковым, и я подарил ему томик «Библиотеки поэта», издание жалкое и неполное, но это было единственное вышедшее после революции собрание стихов Хераскова.

Саша приносил нам из американского консульства запрещенный «тамиздат», и мы наслаждались заветными книгами. Однажды он принес на два дня, со строгим наказом не выносить из дома, «Архипелаг ГУЛАГ». За чтение и особенно «распространение» этой книги легко можно было получить срок.

Уезжая, Саша сделал нам драгоценный подарок. Пока советские чиновники всячески тянули и откладывали издание, на западе, как я уже упоминал, стали выходить книги Мандельштама, а в 1967 г. вышли три больших тома (порядка шестисот страниц каждый): «Осип Мандельштам. Избранные сочинения». Понятно, что я не очень жаждал иметь хоть и добротное (кроме, разумеется, вступительной статьи), но обрезанное цензурой маленькое издание.

Друзья завидовали. Особенно Юра Чумаков (профессор Юрий Николаевич Чумаков). Мы познакомились с ним в 1969 г. на городской Вологодской конференции: нас привлек (по тезисам) его доклад, после которого мы разговорились, вместе слушали другие доклады и подружились с ним и его женой Элеонорой Илларионовной Худошиной на всю жизнь³³. Юра был старше нас, повоевал (был ранен в обе ноги) и сидел в тюрьме. Тогда он не был профессором, даже не защитил еще кандидатскую диссертацию, и жил в далеком среднеазиатском Пржевальске. Вскоре Чумаковы перебрались в Новгород и стали частыми нашими гостями в Ленинграде³⁴. Много вина было выпито на маленьком балконе, выходившем на Ланской лесопарк (близ места Пушкинской дуэли), теперь вырубленный и застроенный скучными типовыми домами.

Любимым занятием Юры в нашем доме было чтение и перечитывание толстых томов Мандельштама. Особенно любил он стихотворения «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»

---

³³ Подробно об этой встрече см.: *Дрыжакова Е.Н.* Вологодская конференция 1969 года (Странички воспоминаний) // Точка, распространяющаяся на всё...: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С. 592–602.

³⁴ По странной и нелепой случайности мы жили на улице Матроса Железняка (разогнавшего Учредительное собрание), а Чумаковы на улице Всеволода Кочетова (одиночного писака, ненавидевшего интеллигенцию и прославлявшего коммунистических функционеров). Наши письма обычно начинались: «Привет от Матроса Железняка Всеволоду Кочетову...»

и «Я с дымящей лучиной вхожу...»³⁵. Даже когда он просто читал их вслух, в самом чтении начинался анализ стихов, чувствовалась их глубина и трагический подтекст:

Я с дымящей лучиной вхожу
К шестипалой неправде в избу <...>
А она из ребячьих пупков
Подает мне горячий отвар.
— Захочу, говорит, — дам еще ...

Подошло время нашей эмиграции. Я предложил Юре обменять тома Манделъштама (запрещенную литературу мы, разумеется, не могли вывезти³⁶) на томик «Библиотеки поэта», которым они обладали. В продаже этот Манделъштам, кажется, так и не появился. Лора недавно рассказала, что на черном рынке заплатила за него свою месячную зарплату (110 рублей, при магазинной цене 1 рубль 45 копеек).

Расставаться с нами Юре и Лоре было, конечно, тяжело, но обмену они обрадовались, а маленький синий томик занял почетное место на моей книжной полке. По какой-то странной прихоти я люблю читать и перелистывать именно его, а не толстые тома американского издания, которые снова у меня появились, и не объемистый (уже 720, а не 320 страниц) зеленый том «Новой библиотеки поэта» (1995)³⁷.

Анну Ахматову тоже почти не печатали. Особенно после знаменитого доклада Жданова и постановления ЦК партии (1946). В марте 1953 г. помер, наконец, Любоед, но советская власть оставалась, правда, в несколько смягченном варианте. Прошло еще пять лет с тех пор, как вождь отдал «свои мудрые концы», и в 1958 г. появилась первая за 15 лет маленькая (всего 130 страниц, треть — переводы),

³⁵ Манделъштам О. Собрание сочинений: В 3 т. / Под ред. проф. Г.П.Струве и Б.А. Филлипова. Т. 1: Стихотворения. Международное Литературное Содружество, 1967. С. 164–165, 167.

³⁶ Досмотр книг и рукописей на таможне был самый тщательный. Почему-то адисты-досмотрщики (очевидно, было специальное распоряжение) заставляли вырезать в книгах все дарственные надписи. Американские аспиранты (в том числе и русского происхождения, но молодые), пользовавшиеся моей библиотекой, никак не могли понять, почему на многих книгах варварски вырезаны титульные листы. Некоторые записи позднее были возобновлены. Так, рядом с вырезанной частью титульного листа книги «Поэты XVIII века» появилась новая надпись: «Леночке и Марку в Albany с неизменными дружескими чувствами и с тем же оптимизмом. И<ля> Серман. 24.03.80».

³⁷ Манделъштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. Тираж — всего 5 тысяч экземпляров: издатели печатают максимум того, что можно продать. Времена меняются!

небольшого формата красная книжечка. Анна Андреевна с горьким юмором прозвала ее своим «партбилетом» и даже «коммунистическим манифестом»³⁸. Другьям она дарила ее с надписью: «Остались от козлика рожки да ножки»³⁹.

Пришлось ей когда-то написать страшные, вымученные стихи о Сталине: арестовали мужа и сына. Сама Ахматова точно назвала их: «бросалась в ноги палачу» («Реквием»). Эти беспомощные строки в книжечку, конечно, не вошли, но некоторые верноподданнические опусы (из цикла «Слава миру»), написанные из тех же соображений, всё же пришлось включить по настоянию Суркова, под «общей редакцией» которого была выпущена эта маленькая книжка. При этом нужно сказать, что глава писательского союза все-таки понимал и ценил поэтическое дарование Ахматовой (видимо, ее стихи для Суркова были понятнее сложной поэтики Пастернака) и по-своему, по-советски, по-чиновничьи, все-таки старался печатать опального поэта. Анна Андреевна это понимала⁴⁰. Впрочем, и сам Сурков был не чужд поэтики акмеизма, хотя и отрещивался от Гумилева, «как от нечистой силы»⁴¹.

Он помог сравнительно вскоре, спустя всего три года, выпустить приблизительно того же объема малоформатную зеленую книжицу⁴² (ее называли «лягушкой»⁴³) в серии «Библиотека советской поэзии». Книжку корезили, мучили⁴⁴. А Сурков написал к ней небольшое послесловие. Прочитав его, Анна Андреевна была возмущена: «... просто пересказал приснопамятного Андрея Александровича»⁴⁵.

Так оно и было. Говоря о стихах Ахматовой и ее друзей-акмеистов, Сурков отмечает, что «общим для них было равнодушие к животрепещущим общественным вопросам времени, фетишизация мертвого мира вещей, ограничение лирики тесным миром интимных переживаний» (с. 295). Последним, очевидно, особенно отличались стихи Ахматовой, у которой автор, следуя за Ждановым, сурово

³⁸ См.: *Салтанова С.* Марина Цветаева. С. 210.

³⁹ *Чужовская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. Paris: YMCA-Press, 1980. С. 276.

⁴⁰ «Сурков — наименьшее зло. Сурков мои стихи любит» (Там же. С. 356).

⁴¹ См.: *Эткинд Е.* Материя стиха. Париж: Institut d'Etudes Slaves, 1978. С. 215–220 (гл. III, раздел «Тринадцать сражений»).

⁴² *Ахматова А.* Стихотворения (1909–1960). М., 1961. (Б-ка советской поэзии). В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте.

⁴³ *Гончарова Н.* «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.: РГБ; СПб.: Летний сад, 2000. С. 108.

⁴⁴ «...редакция безобразничает, хочет целиком выкинуть весь цикл “Из сожженной тетради”, вставляет те стихи, которых Анна Андреевна вставлять не желала и пр. и т.п.» (*Чужовская Л.* Указ. соч. С. 354).

⁴⁵ Там же. С. 360.

отмечает «непропорциональную силе таланта и темперамента замкнутость духовного мира в тесном кругу неизменно повторяющихся, подчеркнуто “женских” интимно-лирических переживаний, начисто ограниченных от внешнего мира» (с. 296).

Жданов поглубже, конечно, но говорил по сути совершенно то же самое: «Тематика Ахматовой насквозь идеалистическая. До убожества ограничен диапазон ее поэзии — поэзии взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и молельной. Основное у нее — это любовно-эротические мотивы, переплетенные с мотивами грусти, тоски, смерти, мистики, обреченности»⁴⁶.

Потом, с точки зрения Суркова, Ахматова исправилась, и заканчивает он свое короткое послесловие безжизненной цитатой из вымученных стихов такого же типа, что восхваления Сталина, когда приходилось «бросаться в ноги палачу» и его присным: «Лети лети голубкой мира, / О песня звонкая моя!... // И в негритянские кварталы, / И к водам Ганга голубым» (с. 304).

Но все-таки книжка вышла. И в ней было много хороших, прекрасных стихов. А в ноябре 1963 г., с подачи Суркова, в Ленинграде Ахматовой предложили издать ее однотомник⁴⁷. Ахматова с помощью Лидии Корнеевны Чуковской принялась за составление книги. И тут в декабре до Анны Андреевны дошла книжка, изданная в Мюнхене. Это был «Реквием», гениальный трагический памятник проклятой сталинской эпохе, «когда улыбался только мертвый, спокойствию рад»⁴⁸.

Анна Андреевна испугалась. У всех на памяти был грандиозный позорный скандал с Пастернаком. Издатели предусмотрительно напечатали на обороте титульного листа: «Этот цикл стихов получен нами из России и печатается без ведома и согласия автора». В данном случае это была чистая правда, но для властей подобный фиговый листок не имел никакого значения. Анна Андреевна справедливо опасалась, что книгу могут сразу зарезать и договор расторгнуть.

⁴⁶ Доклад А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде. Цит. по: *Сарнов Б.* Сталин и писатели. Кн. 2-я. М.: Эксмо, 2008. С. 624.

⁴⁷ *Чуковская Л.* Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966. М.: Согласие, 1997. С. 109.

⁴⁸ *Ахматова А.* Реквием. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1963. С. 10. Книжка была прекрасно, умно и бережно издана. Немного уменьшенный формат, белая обложка в черной рамке, на ней имя автора и большими черными буквами: РЕКВИЕМ. На каждой белой странице в середине четким черным шрифтом небольшой текст (4–10 строк). Таких текстов десять, плюс эпилог и вступление. Тоненькая книжка, всего 23 страницы.

На этот раз, однако, пронесло. Возможно, партийные руководители опасались нового международного скандала.

Работа над «Бегом времени» (так решили назвать книгу) продолжалась. Оптимистически составители решили включить в книгу всю «Поэму без героя» и даже «Реквием» (ведь уже опубликовано!). Книга вышла в августе 1965 г.

Но, увы!, над ней снова побесчинствовала цензура. Из «Поэмы» снова напечатали лишь первую часть, а из «Реквиема» включили два более или менее нейтральных текста: «Приговор» («И упало каменное слово...», конечно, без названия) и знаменитое пронзительное четверостишие из «Распятия» (даже с названием): «Магдалина билась и рыдала, / Ученик любимый каменел, / А туда, где молча Мать⁴⁹ стояла, / Так никто взглянуть и не посмел». Кроме того, как говорила сама Ахматова, в книге были всякие «издательские мошенства, подлейшие, мелкое жульничество»⁵⁰. Но все-таки это были не «партбилет» и не «лягушка», а «урезанный, но всё же самый полный из всех когда-либо вышедших при ее жизни сборников»⁵¹. В книге было 470 страниц, и представление о творчестве поэта она давала.

Через несколько месяцев после выхода книги, 5 марта 1966 г. Анна Андреевна Ахматова умерла. Ее похоронили на кладбище в Комарове. Вскоре на могиле появился памятник: стена со стилизованным тюремным окошком. И вскоре же испуганные партчиновники приказали окошко заделать.

А стихи продолжали жить. Продолжала жить и политическо-цензурная борьба с поэтическим словом.

В 1976 г. в Лениздате вышел большой сборник «Стихи и проза». На черном переплете золотом «Анна Ахматова». Добротный том (615 стр.) содержал не только собранную вместе прозу (статьи о Пушкине и воспоминания), но и полностью «Поэму без героя»⁵², прекрасную подборку стихов, хотя и не без вмешательства цензурных ножниц. Тираж был даже по тогдашним меркам громадный — 200 000 экземпляров. Разошелся он мгновенно. Мне подарил книгу мой студент, привезший ее из Калининграда (Кенигсберга). В этом «закрытом» городе (въезд только по пропускам) дефицитную книгу легче было «достать».

⁴⁹ Разумеется, с маленькой буквы.

⁵⁰ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3. С. 297.

⁵¹ Чуковская Л. Избранное. М.: Горизонт; Минск: Аурика, 1997. С. 444.

⁵² Работа над книгой начата была в 1968 г., вскоре после смерти Ахматовой. Составители планировали впервые напечатать в ней и «Поэму без героя». По независящим от них причинам книга вышла только через восемь лет (см. об этом ниже), поэтому впервые целиком «Поэма» оказалась напечатанной в вышедшей в Москве в 1974 г. книге «Избранное».

Рассматривая книгу, замечаем некоторую странность. На обороте титульного листа сказано, что книгу составил Б.Г. Друян. Примечания к отделу прозы написала Э.Г. Герштейн, очень известный литературовед, друг Ахматовой и Л.Н. Гумилева. А как же поэзия? Почему нет примечаний к не таким простым стихам и сложнейшей, полной ассоциаций и реминисценций «Поэме без героя»? Ответ найдем в книге Лидии Корнеевны Чуковской «Процесс исключения».

Она подробно рассказала, как издательство заключило с ней договор, как готовила она к печати поэтические тексты, как «в изобилии делала разъяснительные примечания и к стихам, и к “Поэме”»⁵³. И вдруг (в советской жизни все неприятности, гадости и катастрофы происходили «вдруг») раздался звонок издательства: «Книга остановлена на неопределенное время. *Без рассмотрения*». Лидия Корнеевна вполне резонно предположила, что причиной была ее активная общественная деятельность, ее статьи и открытые письма и «выговор с занесением в личное дело» от Союза Писателей.

Это произошло в 1969 г. Через семь лет, в феврале 1976 г., книга всё же вышла, правда, без комментариев к поэтическим текстам, а подготовку их присвоил себе издательский редактор Борис Григорьевич Друян.

Так получилось, что сразу вслед за запоздавшей, все-таки неплохой книгой, в декабре того же 1976 г. (фактически уже в 1977) вышел синий том «Библиотеки поэта», один из тех, о которых с бесконечными отступлениями веду я свой рассказ.

На этот раз подготовку книги вел академик Виктор Максимович Жирмунский. Он еще в 1916 г. высоко оценил раннее творчество Ахматовой⁵⁴, а в 1973 г., уже посмертно, вышла книга о ее творчестве⁵⁵. Подготовленный Виктором Максимовичем том стал первым научным изданием поэта. Он отличается полнотой. Напечатаны целиком поэтические сборники Ахматовой. Полностью опубликована «Поэма без героя» по рукописи, подаренной составителю автором, с вариантами и разночтениями.

«Реквием», разумеется, в книгу не вошел. Тем не менее там были напечатаны три текста из запрещенной поэмы: «Приговор» (как и в «Беге времени», без названия), «Распятие» (уже не одно, как в «Беге», а два четверостишия) и страшные пять строк по рукописи из архива Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (запретная книга в примечаниях не упоминается):

⁵³ Чуковская Л. Избранное. С. 444–447.

⁵⁴ Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. 1916. № 12.

⁵⁵ Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
 Я бы так не могла, а то, что случилось,
 Пусть черные сукна покроют,
 И пусть унесут фонари...
 Ночь⁵⁶

Жирмунский умер в 1971 г. Книга вышла через пять лет после его смерти. Из нее были старательно удалены все упоминания имени Л.К. Чуковской вместе с цитатами из ее работ⁵⁷. Вместо предисловия, написанного блестящим ученым (то ли он не успел написать его, то ли, как говорит Лидия Корнеевна, хорошо знавшая издательскую кухню, его сняли в редакции), книгу вновь открывала пакостная статья Суркова с цитатами о «голубке мира», «голубых водах Ганга» и пр. В конце он добавил похвалу Ахматовой, которая всю жизнь презирала партийную советскую власть, за то, что она давала отпор «зарубежным ходатаям по делам русской литературы»⁵⁸.

Несмотря на мерзкую статью, цензурные ограничения и пр., книга получилась замечательная. А нам она досталась очень просто, без снов и обменов. В 1980 г. в Сан-Франциско была конференция славистов. Коллеги свезли нас в русский книжный магазин. В маленьком помещении в беспорядке лежали дефицитные и запрещенные русские книги. Глаза разбегались. На этом развале и купил я синий солидный (550 стр.) том, о чем на следующий день с гордостью написал в Россию друзьям. А Анна Андреевна Ахматова заняла почетное место на нашей книжной полке рядом с тремя другими великими изгоями⁵⁹ русской (тогда советской) литературы.

⁵⁶ Ахматова А. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. В.М. Жирмунского <имя в черной рамке>. Л., 1976. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 192–193. Ср.: Ахматова А. Реквием. Мюнхен, 1963. С. 13, 17, 20.

⁵⁷ Чуковская Л. Избранное. С. 497.

⁵⁸ Ахматова А. Стихотворения и поэмы. С. 18.

⁵⁹ «Если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал» (Семичастный В.Е., первый секретарь ЦК ВЛКСМ). «Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой» (Жданов А.А. об Ахматовой). Второго августа 1938 г. Особое совещание при НКВД СССР приговорило Мандельштама к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере.

Литература

Альшуллер М. Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альшуллер-Еленевой (1897–1982) // Новый журнал. 1999. № 215. С. 253–282.

Гончарова Н. «Фаты либелей» Анны Ахматовой. М.: РГБ; СПб.: Летний сад, 2000. 680 с.

Дрыжакова Е.Н. Вологодская конференция 1969 года (Странички воспоминаний) // Точка, распространяющаяся на всё...: К 90-летию профессора Ю.Н. Чумакова. Новосибирск, 2012. С. 592–602.

Дрыжакова Е.Н. «Антиленинская концепция» творчества Герцена в моей диссертации 1960 года (Странички воспоминаний) // Памяти Герцена: Сб. Тверь, 2012. С. 96–102.

Из истории издания «Стихотворений и поэм» Бориса Пастернака в «Библиотеке поэта» (1962–1965). Публ. Е.М. Гушанской и И.С. Кузьмичева // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2016 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 760–828.

Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.

Саакянц А. Спасибо Вам!: Воспоминания. Письма. Эссе. М.: Эллис Лак, 1998. 608 с.

Салтанова С. Марина Цветаева. Возвращение. Судьба творческого наследия поэта на фоне советской эпохи (1941–1961 годы). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. 344 с.

Чуковская Л. Избранное. М.: Горизонт; Минск: Аурика, 1997. 560 с.

References

Al'tshuller M. Materialy o Marine Tsvetaevoi v arkhive E.I. Al'tshuller-Elenevoi (1897–1982) [Materials concerning Marina Tsvetaeva in the archive of E.I. Altschuller-Yeleneva (1897–1982)]. *Novyi zhurnal*, 1999, no. 215, pp. 253–282. (In Russ.)

Goncharova N. “*Faty libelei*” *Anny Akhmatovoi* [“*Fata libelli*” of Anna Akhmatova]. Moscow, Russia State Library Publ, St. Petersburg, Letnii sad Publ., 2000. 680 p. (In Russ.)

Dryzhakova E.N. Vologodskaia konferentsiia 1969 goda (Stranichki vospominanii) [Vologda Conference of 1969 (pages from memoirs)]. *Tochka, rasprostraniaiushchaisia na vse...: K 90-letiiu professora Iu.N. Chumakova* [A point that applies to everything...: On the occasion of Professor Yu.N. Chumakov's 90th anniversary]. Novosibirsk, 2012, pp. 592–602. (In Russ.)

Dryzhakova E.N. “*Antileninskaia kontsepsiia*” tvorchestva Gertsena v moei dissertatsii 1960 goda (Stranichki vospominanii) [“*Anti-Lenin conception*” of Herzen's works in my dissertation of 1960 (pages from memoirs)]. *Pamiaty Gertsena: Sb.* [In memory of Herzen: A collection of essays]. Tver, 2012, pp. 96–102. (In Russ.)

Iz istorii izdaniia «Stikhotvorenii i poem» Borisa Pasternaka v «Biblioteke poeta» (1962–1965) [From the publication history of Boris Pasternak's "Poems" in the "Poet's Library" series (1962–1965)], publ. by E.M. Gushanskaya and I.S. Kuz'michev. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 2016 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 2016]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, pp. 760–828. (In Russ.)

Saakiant A. *Marina Tsvetaeva. Zhizn' i tvorcestvo* [Marina Tsvetaeva. Life and works]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1999. 816 p. (In Russ.)

Saakiant A. *Spasibo Vam!: Vospominaniia. Pis'ma. Esse* [Thank you! Memoirs. Letters. Essays]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1998. 608 p. (In Russ.)

Saltanova S. *Marina Tsvetaeva. Vozvrashchenie. Sud'ba tvorcheskogo naslediiia poeta na fone sovetskoi epokhi (1941–1961 gody)* [Marina Tsvetaeva. Return. The fate of the poet's artistic legacy against the backdrop of the Soviet era (1941–1961)]. Moscow, Marina Tsvetaeva Museum Publ., 2015. 344 p. (In Russ.)

Chukovskaia L. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Gorizont Publ., Minsk, Aurika Publ., 1997. 560 p. (In Russ.)

Habent sua fata libelli et homines (Memoir and bibliographic notes)

Mark G. Altschuller

Abstract: The present article focuses on four books from the author's personal library. These books are collections of poems by brilliant Russian poets, the most famous ones in the 1960s and later. The author discusses the editorial history of these books, the way these rare and precious copies ended up on his bookshelf, as well as the people he was friends with during that time.

Keywords: Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, Osip Mandelstam, Anna Akhmatova, "Poet's Library".

Information about the author: Mark G. Altschuller, Ph.D., professor emeritus, University of Pittsburgh, USA. E-mail: altshul@pitt.edu.

Citation: Altschuller Mark G. Habent sua fata libelli et homines (Memoir and bibliographical notes). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 334–356.